K44 5/107

К 44 5/107
274479
К 44 5/107

Литературный языкъ и простонародное нарѣчіе.

(См. „Слово“ изъ 1877 г., чч. 7—14 фел.)

Въ статьѣ, умѣщенной въ фейлетонѣ „Слова“ подъ заглавіемъ „Наши идеалы,“ читаемъ, что „новѣйшая педагогика признала за нарѣчіями чрезвычайную воспитательную важность,“ дальше, что „на основаніи соотвѣтственныхъ нарѣчій возможно, съ бо́льшимъ успѣхомъ, вліяти на сердце и умъ народныхъ массъ.“

Не знаемъ, въ якомъ педагогическомъ сочиненіи даровитый авторъ вычиталъ сіе мнѣніе. Намъ извѣстно, что подобная мысль до теперь объявилась лишь въ одномъ „украинизмѣ“; у другихъ народовъ и въ ихъ педагогическихъ литературахъ намъ не случилось встрѣтити такое мнѣніе. На противъ того, кажется намъ, что точно интересъ просвѣщенія требуетъ, чтобы сокровища человѣческого знанія для всѣхъ слоевъ народныхъ открыти, а не закрыти, отчуждая

класъ необразованный отъ языка, посредствомъ которого обнаруживается дѣятельность умственная не поодинокихъ племенъ или кружковъ, а цѣлого народа, умственная дѣятельность не одного періода, или мгновенія, но всѣхъ временъ и вѣковъ, отколи народъ пришелъ къ познанію своего существованія яко одна и нероздѣльная цѣлость. Созиданіе особыхъ простонародныхъ литературъ, хотя бы въ цѣли педагогической, имѣло бы въ послѣдствіи отчужденіе класа простонародного отъ класа образованного, подѣлъ народа на двѣ касты, съ особыми воззрѣніями и взглядами, точно якъ въ Китаѣ, гдѣ оттого жизнь цѣлого народа попала въ мертвую застою.

Стремленіе такое, кажется намъ, произвелобъ не прогресъ, а регресъ. Обще извѣстно, что у Нѣмцевъ просвѣщеніе проникло во всѣ слои населенія — и въ томъ отношеніи нѣмецкій народъ есть самымъ лучшимъ образцемъ для прочого міра, но цѣлое народное просвѣщеніе и образованіе происходитъ у нихъ на основаніи языка литературного, мало не такъ розличающогося отъ діалектовъ народныхъ, якъ на пр. языкъ русскій отъ прочихъ языковъ славянскихъ. Простонародіе употребляетъ въ

К44 5/107 3

ежедневномъ своемъ житье-бытіи едва 300—400 словъ — названій для предметовъ, окружающихъ его, дѣйствій и явленій, происходящихъ посередъ него — и тіи названія во всѣхъ нарѣчіяхъ того самого языка, съ изъятіемъ незначительного розличія въ произношеніи, мало не тѣ самыи. Имѣетъ ли популярность и понятность живой рѣчи основыватись на томъ, чтобы употребляти, на пр., вмѣсто: „направленіе, изслѣдованіе, редакторъ, въ послѣдствіи“ и пр. — слова: „напрямок, керунок, вислѣдок, редахтір, напослідок“ и т. п.?

У каждого народа языкъ литературный творится на основаніи одного нарѣчія, которому вслѣдствіе его качествъ или благопріятнѣйшихъ обстоятельствъ — припадаетъ на долю высокая задача: служити средствомъ умственного розвитія цѣлого народа. Языкъ тотъ требуетъ долшого времени, дабы набралъ основности, прочности формъ, точности и поворотливости, нужной къ изложенію тончайшихъ оттѣнковъ мысли. Сего ради, въ дальшемъ своемъ розвитіи, онъ, конечно, принужденъ немножко отдалитись отъ нарѣчій, перемѣняющихся всегда, вслѣдствіе своей неопредѣленности и склонности къ восприиманію самыхъ ничтожныхъ вліяній.

Литературный русскій языкъ основуется, на такъ зовимомъ языцѣ славено-русскомъ, который уже въ 10-мъ столѣтіи началъ образоватися, подъ вліяніемъ языка церковно-словенского. До 18. столѣтія былъ онъ чуть не всецѣльною собственностью племени южно-русского, которое и содержаніе, и форму ему надало до того, что сѣвероруссы были принуждены до него приноровляти свое произношеніе. Конечно, отъ 18-го столѣтія дальшее его розвитіе перешло на велико-руссовъ, давшихъ ему большую элеганцію и сдѣлавшихъ его способнымъ для культуры 19-го столѣтія. Но имѣемъ ли мы, сего ради, его закидати? Положѣмъ, что мы строили якое зданіе и довели дѣло подъ крышу, затѣмъ нашъ братъ его изо внѣ и во внутри украсилъ и сдѣлалъ удобнымъ къ обытанію. Подобаетъ ли намъ отказыватися отъ собственного дѣла ради той иичтожной причины, что украшеніе не послѣдовало нами и по нашему вкусу?

Созидати новый литературный языкъ, съ отрицаніемъ всей нашей минувшости и труда нашихъ предковъ; говорити, что мы родились едва въ 1848 году, или за временъ Котляревского — и начинати умственное розвитіе ab ovo на основаніи якого-тамъ нарѣчія: то кажется

намъ — безумiемъ. Могли бы мы то безъ опасности для нашего существованiя дѣлати, если бы мы переселились между Готентотовъ, или Эскимосовъ, вообще между народы, едва приходящiи къ сознанiю; но начинати дѣло среди народовъ, розвитыхъ и высокообразованныхъ, среди культуры, ставляющей великiи и многосложныи требованiя, во времена, когда всюда слышно гасло: нѣтъ условiй для существованiя малыхъ державъ и малыхъ народностей, среди такихъ обстоятельствъ братись за составленiе особого литературного языка: то кажется намъ совсѣмъ неумѣстнымъ. Да едва мы нѣсколько шаговъ сдѣлаемъ, насъ уже поглотятъ! Народныи нарѣчiя, конечно, и въ литературѣ имѣютъ право существованiя, а новѣйшiй романтизмъ не мало добылъ для нихъ мѣста въ словесности. Но, по природѣ своей, могутъ они, якъ и у старинныхъ Грековъ, употреблятися лишь въ изящной словесности, т. е. въ розсказахъ, стихотворенiяхъ, драматическихъ сочиненiяхъ—въ науцѣ же нiякъ не дадутъ употребитися.

Мы, Галицкiи Русины, вслѣдствiе розличныхъ неблагопрiятныхъ обстоятельствъ, дознали задержки въ нашемъ народномъ розвитiи, такъ что, пробудившись отъ столѣтняго сна, узрѣли

мы немалое отстояніе, дѣлящее насъ отъ поступившого между тѣмъ литературного языка. Мы не были въ состояніи его себѣ сейчасъ всецѣло присвоити. Произошли у насъ розличныи направленія литературныи, которыи, мы принуждены откровенно сказати, не доведутъ къ ничему другому, якъ лишь къ общему литературному языку русскому. И „рутенщина“, и „украинщина“ то лишь узкіи стежки, ведущіи на пространный путь общерусского языка.

Скорѣйшей розвязцѣ сей языковой путаницы мѣшаетъ съ одной стороны недостатокъ средствъ, споспѣшествующихъ роспространенію чистого литературного языка и русской словесности, съ другой стороны подозрѣніе Поляковъ и выс. правительства, дабы Галицкая Русь, принявши языкъ общерусскій, не стремилася къ соединенію съ Россіею. Но опасеніе такое тщетно. Въ Швайцаріи, на пр., живутъ Нѣмцы составляющіи почти двѣ третины населенія, но они хорошіи патріоты швайцарскіи; такъ же Бельгійцы, употребляющіи языкъ французскій, не думаютъ о присоединеніи къ Франціи. Идея народности не всегда совпадаетъ съ идеею державною. Мы Австріи многимъ одолжены — и если лишь будемъ тутъ находити справедли-

вость и пособствованія для розвитія нашего умственного и матерьяльного, мы останемъ, якъ были и есьмо, добрыми патріотами австрійскими. Къ тому убѣжденію придутъ съ временемъ и выс. правительство, и Поляки, а тіи послѣдніи убѣдятся, что интересъ польскій хорошо дастъ погодитися съ интересомъ галицко-русскимъ. Принятіе исторического языка литературного скрѣпитъ наши розъединенныи силы, дастъ нашей народной жизни больше крѣпости и бодрости и поведетъ насъ на путь, предназначенный намъ Богомъ, на которомъ будемъ могли умственно и матерьяльно съ большимъ успѣхомъ розвиватися. Закѣмъ то послѣдуетъ, нерозумно сдерживати умственную нашу дѣятельность, основующуюся или на „рутенщинѣ“, или на „украинщинѣ“. Если мы кого хочемъ научити плывати, будьмо приготовлены, что онъ съ начала ложныи будетъ дѣлати движенія. Лишь наставленіе, а не запрещеніе плаванія исправитъ его и доведетъ къ цѣли.

(Перепечатано изъ „Слова“ ч. 20 изъ 1877.)

Зъ печатнѣ Института Ставропигійского, 1877.